

Валерий Разгоняев

Разгоняев Валерий Иванович родился в 1946 в Белогорске. Окончил республиканское художественное театральное училище им. П.П. Бенькова в Ташкенте. Автор четырёх скульптурных памятников в Благовещенске, более 30 — в России и за рубежом. Его живописные работы демонстрировались более чем на 20 персональных выставках. Автор поэтических сборников «Запоздалая пуга», «Пьяный мёд», «Пока горит звезда моей России», «Размеры», «Окно с видом на залив», «Город с русской душой», «Албазино», «Поэмы». Лауреат международного конкурса поэзии «Надежды лира золотая» в 2003 в Нью-Йорке. Награждён орденом Петра Бекетова «Капитуль», нагрудным знаком «За достижения в культуре», серебряной медалью ТСХ, медалью «Достойному» Российской Императорской Академии художеств, знаком КПУ ФСБ РФ, золотым знаком Почётного члена Rotary International, медалью Святителя Иннокентия, золотой медалью «Амурской ярмарки», грамотами Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и архиепископа Благовещенского и Тындинского Гавриила.

Член Союза российских писателей. Председатель Амурского регионального представительства Союза российских писателей. Член Международного художественного фонда.

Амурские дожди

Из цикла «Река Любовь»

ПАРОМ

Дождь цедит влагу зыбкую
На мой раскрытый зонт.
Сегодня я с улыбкою
Гляжу за горизонт,

Где птиц влюблённых пение
В прибрежном камыше
Дарует исцеление
Мятущейся душе.

Там за годами-гóрами
Кружит среди жнивья
Амурскими просторами
Шальная жизнь моя.

За Зеей небо звёздное,
Раздольное жнивье.

И всё вокруг колхозное,
И всё вокруг — моё!

Ни роскоши, ни голода,
Жизнь ладна и проста,
Покуда нет у города
Шоссейного моста.

Не заняты работами
С зерном грузовики,
И ржут над анекдотами
Хмельные мужики.

Глаза старух приветливы,
Исполнены добром.
Над водами над светлыми
Буксир влечёт паром.

Весёлая посудина
С дымящейся трубой,
Вези меня из Худина,
Вези меня домой!

Из детства благодатного,
Из юности лихой
До города закатного
Блистающей рекой.

Вот-вот исчезнет трещинка
Меж мной и бездной лет,
Былого Благовещенска
Всё чётче силуэт.

Буксир гудит неистово,
И глас его высок,
По сходням старой пристани
Я выйду на песок...

От мельницы закружится
Автобус по кольцу,
По вечным тёплым лужицам
К родимому крыльцу.

АМУРСКИЕ ДОЖДИ

Ну почему теперь дожди
Идут короткие, другие...
По тем, далёким ностальгия,
Что где-то в прошлом, позади.

И ноет сладостно в груди,
Когда приснятся в светлых струях
Твои глаза и поцелуи...
Над Благовещенском дожди.

Распущена твоя коса,
Благоухают георгины,
Ещё объятия невинны
И не охрипли голоса.

В саду, в крыжовнике густом
Скворец зовёт свою подружку,
И вышивает на подушку
Накидку матушка «крестом».

Прямые вдоль и поперёк
Блистают лужами дороги,
Ещё любимые не строги,
И в письмах ласковый упрёк.

Мой Бог, в те годы уведи!
Там месяцами, с перекурком,
Под пляски молний над Амуром
Идут клубничные дожди,

Из-под земли растут грибы,
Котейко ёжится под ёлкой,
Шуршит пластинка под иголкой,
И до вокзала путь недолгий —
Всего лишь полчаса ходьбы!

ПЛОТЫ

Вновь ночь бессонницей грешит,
Свет лунный не в строку,
Лишь память добрая спешит
На помощь старику.

Там, ни с того и ни с сего,
Плывут из темноты
По рекам детства моего
Смолёные плоты.

Амур меж сопок и полей,
Плоты по всей длине,
Мой город в пухе тополей
На русской стороне.

Какая чудная пора!
Умерен солнца жар,
Горяч у нашего двора
Дощатый тротуар.

Вдоль тротуаров цветники
Льют запахи цветов,
Бежим по лужам, босяки,
Гурьбою «до плотов».

Смеяться, лёжа на спине
Под солнцем, а потом
К тайгою пахнущей сосне
Прижаться животом.

Душой проникнуть, до тоски,
До первых слёз любви
В часов томленья, в бег реки,
В пульсацию крови...

Журчит меж брёвнами река,
Под нею, в глубине —
Песков стиральная доска
И ракушки на дне.

Плоты — мальчишества приют
В объятиях реки.
Как искры, в заводях снуют
Рыбёшек косяки.

И вот на дне уже видны
То ль жемчуг, то ль блесна...
Виденья памяти чудны
На волосок от сна.

Пучина жизни глубока,
И в этой глубине
Течёт незримая река
И помнит обо мне.

В ней пробуждение весны
И прочего всего,
В ней упоительные сны
Из детства моего.

Над ней Господняя рука.
Вперёд, назло врагам,
Течёт могучая река
К волшебным берегам.

Ей корабли нести не лень,
Послушные рулям,
И каждый новый Божий день
Всё начинать с нуля.

Пусть воздымается волна
И бед людских не счесть,
Поныне высока цена
На совесть и на честь.

И мы свой путь земной вершим
Под солнцем и луной,
Стекающая реками с вершин,
Покрытых сединой.

Течёт амурская вода
По травам и в снегах,
Растут и крепнут города
На древних берегах.

.....

Уходят ночи старика,
Сны светлые даря,
И плоти плот несёт река
В безбрежные моря.

ГОРЮШКО — РАСЕЯ

Я люблю и, стало быть, жалею,
В беспокойстве нервы теребя,
Боль твою считаю я своею
И молюсь за горюшко — тебя.

Словно серп луны на дне колодца,
Вычерпать той боли не дано,
За меня печалится и бьётся
Лишь сердечко детское одно.

Родина надежд моих тревожных,
С вольной, неподкупною душой,
Для своих властителей ничтожных
Стала непростительно большой.

Выпила подмешанной отравы —
И в твой дома пришла беда.
О годах величия и славы
Потеряла память навсегда.

Позабыла, кто ты и откуда,
Где была и чем жила вчера,
Зря врачи надеются на чудо...
Не приходит лучшая пора.

Слёз уж нет оплакивать потери,
А когда твой час приходит всё ж,
Ты пред ним не раскрываешь двери,
С мутных глаз его не узнаёшь.

Снять бы с сердца тягостную ношу —
Да в края, где «уровень» хорош...
Только на кого ж тебя я брошу?
Без меня ты вовсе пропадёшь!

РЕКА ЛЮБОВЬ

Памяти Роберта Бёрнса

В дальние дали бежит река,
Тихо скребётся свет
Сквозь дуновение ветерка
В дом, где покоя нет.

Ты прилетишь мотыльком к огню
В дом возвратить покой,
Чисто постелешь нам простыню
Белой своей рукой.

Не оборвалась бы нить родства
С миром, где счастья ждём,
Где, ради Бога, шумит листва
Под проливным дождём!

ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ

И возопили они громким голосом, говоря:
доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?

«Откровение», гл. 6, ст. 10.

Давали еду из свиного корыта,
А после вели на убой.
Трындели: вам в небо дорога открыта,
И манит труба за собой —

В бесцветное небо угрюмого края.
Там зимы длинней бытия,

Там с песней забытой в снегу догорает
Звезда золотая моя.

На этом бескрайнем колымском просторе
Мне было легко умирать,
Где, кроме беды, только ветер и море
Да в горести русская мать.

И вечно с этапами шли эшелоны
За вышки закрытых систем,
Тайгу устилали костями миллионы,
Бог знает к чему и зачем.

Не спросишь «нетленного», что убедил их
Услышать тот голос трубы,
Под бирками на безымянных могилах
Существ — без вины и судьбы.

«Я листаю забытые хроники...»

Из цикла «Одуванчики в снегу»

БЕЛЫЙ ТИГР

...почти у самой вершины западного пика лежит иссохший
мёрзлый труп леопарда. Что понадобилось леопарду на такой
высоте, никто объяснить не может.

Э. Хемингуэй. «Снега Килиманджаро».

А белый тигр — не белая ворона,
Не скрыться, не измазаться углём,
Чтоб стать своим в команде похоронной
Запитой кочегарки за углом.

Не слиться мастью с лиственницей, елью,
Сдадут его и травы, и кусты,
Всю жизнь не жить, служить заветной целью
Охотникам до редкой красоты.

Вся фауна могла бы им гордиться,
Так строен, так прекрасен он собой,
Но беленьким на белый свет родиться
Красавца утораздило судьбой.

Сойтись бы со своими ненароком,
Да поурчать тигрице на ушко.

Без нежной страсти в сердце одиноком
Прожить в тайге и зверю нелегко.

Зима падёт порошей торопливой,
Особе царской оставляя след,
Бродить в ночи голодной и тоскливой,
В прищуре глаз скрывая лунный свет.

Он обошёл ловушки и капканы
И у лесных бандитов на виду
Лёг на вершине снежного Янкана:
— Стреляйте, я отсюда не уйду!

Он гордым взглядом говорил: — Поверьте,
От этой суеты я так устал,
Я знаю, вы моей хотите смерти,
Возьмите, я давно её искал!

Казалось, всё — стрелки достигли цели,
Пришёл к концу его короткий век.
Бинокли на него в упор глядели —
А видели один лишь белый снег.

БЕЛЫЕ МРАМОРНЫЕ СЛОНИКИ

...и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию,
и всех жителей городов сих, и произрастения земли.

«Бытие», гл. 19, ст. 25.

Я листаю забытые хроники.
Где-то в детстве безоблачном там
Шли из мрамора белые слоники
По дорожке комода, к цветам.

Чтоб от жизни гнетущего бремени
Отдохнуть в параллельных мирах,
По спирали обратного времени
Кружат стрелки в настенных часах.

По земле мчится век электроники,
Здесь у каждого флэшка своя,
Затерялись во времени слоники,
Было семь их, что значит — семья.

Рвутся к власти разврата носители,
Но природы закон не сломать,
Ведь у всякого были родители,
Был отец и вскормившая мать.

Совладать бы с нуждою и с голодом
Обитателям ветхих трущоб,

А заплывшие жиром и золотом
Измышляют: чего им ещё б?

На холодных ветрах, как соломинки,
В рубашонках — одна на двоих,
У родного крыльца наши «слоники»,
Вижу их — ясноглазых, своих.

Пусть поддельной свободы сторонники
Из самцов избирают невест,
Величавые белые слоники
Всё несут свой спасительный крест.

По Руси с её светлыми храмами,
Где чисты и сердца, и дома,
Без скандалов с семейными драмами,
Без Европы, сходящей с ума.

Чтоб, пока мы посмертно не сломлены,
В правоте наших смыслов стоим,
Шли детишки, как белые слоники,
За отцом и за плугом своим.

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

...И так моё сердце над рэсэфэсэром
скрежещет — корми — не корми! —
как будто сама я была офицером
в октябрьские смертные дни.

*М. Цветаева. «Есть в стане моём
офицерская прямоть».*

Гнали белых, как римлян из Рима,
Не давая ни шансов, ни фор.
Из залитого кровушкой Крыма
Уходили суда на Босфор.

В свой черёд, не за деньги и славу,
Да отца и любимую мать,
Вы за Бога, царя и державу
Жизнь свою присягали отдать.

Тот же, кто муштровал вас без правил,
Кто страну до позора довёл, —
Царь — отрёкся от вас и оставил,
Бросил гвардию на произвол.

«Господа», приближённые к трону,
Взяли в руки России штурвал,
Сняли с вас золотые погоны,
Но присяги никто не снимал.

С новой властью пришли консультанты,
Гнали вас на штыки, а затем
Подло предали страны Антанты,
И японцы, и дядюшка Сэм.

Где вы, гвардия белого снега,
Офицеры столетней войны?
Ваши кони не вынесли бега
По полям окаянной страны.

Дешевели в цене проститутки
От притока вельможных особ,
Но знамён зачехлённые скрутки
Ваши внуки хранили по гроб.

Вас болезни и вши изнуряли
В лагерях, без еды и воды,
Вы героев сражений теряли,
Лишь теснее смыкая ряды.

Только очи Пречистыя Девы
Вас на чуждых камнях берегли,
Да России далёкой напевы
К вам тянулись от центра Земли.

Невзирая на кары, преграды,
Под надзором сексотовских глаз,
Сберегали потомки награды,
И легенды, и память о вас.

Поистлели в посланиях нежных
Между строк полевые цветы,
На дорожках погостов нездешних
С православным изножьем кресты.

Нам остался от чести и славы
Лишь пожарища «сладостный дым»,
Лишь обида за гибель державы
Да оплаченный подлостью Крым.

БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

«...На стол колоду, господа,
краплёная колода!»

В. Высоцкий.

«Стоял весенний месяц март».

— Да вы подлец, милорд! —
И белая перчатка —
В скабрёзный, омерзительный ухмыл. —
Пошлите секундантов, будем драться!
...Кровь на снегу, подковы лошадей

И женский крик, отчаянный и дикий.
Рука в перчатке, снявшая пенсне:
— Не выживет, ранение смертельно!
Спешите попроситься, господа...

В горячечном бреду — колонный зал
Хрустальных люстр сверканьем озарён,
Растерянная, среди колонн,
Наташа, у которой первый бал.
И сердце замирает, как тогда.
Её рука в перчатке на плече,
На самом деле это — или снится?
Круженье упоительного вальса,
Касание взволнованной груди,
Влюблённых глаз распахнутых ресницы...

Сменяются картины... Бубенцы,
Елея запах, кольца, обрученье,
Над головами брачные венцы,
И на невесте белые перчатки —
Знак непорочности, знак верности и чести.
Букеты, и глаза на мокром месте.
Улыбка первенца и зависть подлецов.
И вот — перчатка сплетнику в лицо...
Ночь бесконечная, не первая дуэль...

Столетия... гвардейские полки,
Грабительские войны и Освенцим,
Скабрёзный, омерзительный ухмыл
Эсэсовского злобного ублюдка.
И всё же где-то — родина и честь,
Дуэли снайперов, воздушные тараны.
И всё же где-то Зоя, где-то Брест,
Сибирские полки и партизаны.
Победный марш, и праздничный парад,
И жуковские белые перчатки!

А после... что же после? Не пойму,
Какая-то безудержная гонка,
Мелькание засвеченных картин,
Плач боли одинокого ребёнка,
Без совести и чести «господа»,
Дуэли денег в зданиях суда,
Безумия и тления зачатки,
Преступности и подлости разгул,
И только на почётный караул
Надеты кем-то белые перчатки.

БЕЛЫЕ ГРИБЫ, ИЛИ ЧЕТВЁРТАЯ ОХОТА

В разгаре лето, липкое от пота,
Подальше в лес хоронится зверьё,
Готовится бескровная охота —
Любимое занятие моё.

Я выхожу со страстью и смекалкой
Чуть свет на поиски лесных даров,
Моё оружие — корзина с палкой
Да грозный репеллент от комаров.
Мой вид ужасен, замкнут и суров!

Вдыхаю после ливня спозаранку
Настоянный на хвое кислород,
Навстречу мне выходит на полянку
В нарядных шляпах весь грибной народ:

Из-под ковров листвы пробились грузди,
Маслята подошли в иголках хвой,
Сбегают по холмам, с налётом грусти,
Лисички с медно-рыжей головой.

Под ёлками грибной бодрящий запах,
Стволы смолистые толсты и высоки.
Внизу, в своих упругих серых шляпах,
Стоят богатыри-боровики.

Берёзки, в чёрных трусиках на бёдрах,
От сборов сока со следами ран.
Семейство подберёзовиков бодрых
Под ними — взводом красных партизан.

Вверху, в листве, нанизаны на ветках
Трофеи белок и бурундучков,
В запас на зиму, гроздьё лакомств редких —
Отборных, чистых, крепеньких сморчков.

А вот и те, что попадают в сушку,
Вдали от сыроежковой гурьбы,
Навстречу солнцу вышла на опушку
«Элита леса» — белые грибы.

Иду чащобой, весел и беспечен,
По шубам мхов, где прячутся, горьки,
Грибки, что плохо действуют на печень, —
Прекрасные на вид моховики.

Спешу, чтоб растянуться на опушке
Среди цветов, под лёгким ветерком,
А под ногами хрюкают свинушки,
С которыми я вовсе не знаком.

БЕЛЫЕ ЗАЙЦЫ

*Светлой памяти моего отца, начальника отдела СМЕРШ,
а впоследствии — отдела борьбы с бандитизмом
в Амурской области, Разгоняева Ивана Фёдоровича.*

Косят зайцы траву,
трын-траву на поляне...

*Песня из кинофильма
«Бриллиантовая рука»*

Если б не видел, то я б никогда не поверил:
Белыми лапами машут и манят к себе
Белые зайцы, пушистые добрые звери,
Неравнодушные к родственной русской судьбе.

А с пулемётами на вертолётах мерзавцы
Кружат над лесом — им дичь подавай покрупней.
Бедные, белые, храбрые зимние зайцы,
Хищных налётчиков быть постарайтесь умней.

Прячьтесь, ребята, потомство своё берегите,
Шкурки пушистые не продырявили чтоб.
Слышите? Гром в небесах! Поскорее бегите,
Прячьтесь под ветки, под кочки, ныряйте в сугроб!

Сядем в кружок на обласканной солнцем полянке,
Поле и лес — наш огромный приветливый дом.
Мы на лесном языке у костра, без подлянки,
Словно друзья, обо всём разговор заведём.

Я расскажу вам, как в детстве, смешной и неловкий,
Маленький мальчик, слезу вытирая с лица,
Ждал с нетерпением из длительной командировки
Очень любимого, очень родного отца...

Он появлялся, в погонах на шубе овчинной,
С лёгкой улыбкой, румяным с мороза лицом.
Я же, конечно, интересовался причиной
Долгой-предолгой разлуки с любимым отцом.

Он отвечал мне, что ездил на маленьком пони
В очень далёкую, очень таёжную падь,
И подавал печенюшку на тёплой ладони:
Это вот зайчик тебе попросил передать!

Славным печенье от зайца, конечно же, было,
Слаще конфет и на свете вкуснее всего.
В дальние дали давно это время уплыло,
Я же так явственно вижу отца своего...

Кто бы подумал, что, с виду совсем несердитый,
Смелый мой батя, родной и единственный мой,
Долго преследовал банду убийц и бандитов,
Взял их живьём и живым воротился домой.